

Болотина Инна Ивановна
Тульский государственный университет,
г. Тула, Российская Федерация
innok1706@mail.ru

Лаврикова Анастасия Александровна
Тульский государственный университет,
г. Тула, Российская Федерация
elav@mail.ru

Особенности развития популизма в европейских странах как маркер изменения пространства политического участия

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию характера и последствий активности популистски настроенных политиков в странах, демонстрирующих центристские и центробежные тенденции развития пространства политического участия. На основе сравнительного анализа данных Европейского социального исследования (ESS) доказывается, что реальная угроза популизма для воспроизводства существующей политической системы связана с центробежным трендом в динамике базовых арен политического участия: с одной стороны, популистские партии и движения, если они не акцентируют внимание на существенной идеологической нагруженности, в таких условиях способны (хотя и на время) объединить всех тех, кто проявляет нелояльность к существующему политическому порядку, включив их в антисистемные действия, с другой – использование популистской риторики системными политиками выступает своего рода прикрытием технократизма и отказа от реформирования существующих политических институтов в сторону открытости, что не решает проблему демократического дефицита. Вероятность наступления негативных последствий особенно высока в «новых» демократиях.

Ключевые слова: популизм; политические практики; пространство политического участия; электоральная база партий

Bolotina Inna Ivanovna
Tula State University,
Tula, Russian Federation
innok1706@mail.ru

Lavrikova Anastasia Aleksandrovna
Tula State University,
Tula, Russian Federation
Elav@mail.ru

Peculiarities of populism development in european countries as a marker of change in the space of political participation

Abstract. This article is dedicated to the study of the nature and consequences of the activity of populist-minded politicians in states that demonstrate centripetal and centrifugal trends in the development of the space of political participation. Based on a comparative analysis of the European Social Research (ESS) data, it is proved that the real threat of populism for the

reproduction of the existing political system is associated with the centrifugal trend in the dynamics of the basic arenas of political participation: on the one hand, populist parties and political movements, if they do not focus on a significant ideological burdens, in such conditions they are able (albeit temporarily) to unite all those who are disloyal to the existing political order, including them in anti-systemic actions, on the other hand, the use of populist rhetoric by system politicians serves as a kind of cover for technocratism and the refusal to reformat existing political institutions towards openness, which does not solve the problem of democratic deficit. The likelihood of negative consequences is especially high in the «new» democracies.

Keywords: populism; political practices; the space of political participation; the electoral base of parties

Популизм как вызов официальной политике

На современном этапе состояние и тенденции развития взаимодействий в системе «власть-общество», в том числе и в части реализации политических практик граждан, во многом обусловлена переходом от постмодернизма к неомодернизму. Для общества постмодерна (с последней трети XX в.) характерны повышение роли постматериальных ценностей, распространение массовой культуры развлечений и эстетизации повседневной жизни, превращающие «общество производства» в «общество потребления» [Ирхин, 2019], что привело в плане развития репертуара политического участия к ориентации на саморазвитие и самореализацию¹⁵⁸ (а, следовательно, признание возможности каждого заявлять и отстаивать свои права посредством политических инструментов), консьюмеризму при выборе политических сил или политических средств, предпочтению перфомансов и эпатажа в политической жизни (причем как в случае позиционирования себя в политическом пространстве, так и при восприятии самого этого пространства со всеми его составляющими), созданию благоприятных условий для геймофикации и интерактивности политических действий. Но в тоже время очевидным стало и усиление манипулятивных воздействий на выбор содержания и технологий политического участия.

Актуализации выделенных тенденций способствовали и такие черты постмодернизма как восприятие социального мира в качестве изменяющегося текста или интертекста (где сложно определить автора, а значит и субъекта ответственности), политико-управляющее воздействие информационных и психологических смыслов / символов / семулякров / кодов, дискурс неолиберализма, что в целом создавало достаточно противоречивую картину, в которой сосуществуют, с одной стороны, активизация процесса вовлечения рядовых членов общества в политическое пространство, а с другой – определенная виртуализация данных практик и более широкие возможности для контроля над ними. Причем вторая составляющая стала

¹⁵⁸ Как отмечал Р.Инлхарт, с актуализацией ценностей постмодерна понижается уважение к власти, усиливается акцент на участии как самоценности и самовыражении, а не как на средстве достижения безопасности, утрачивается массовая приверженность давно существующим иерархическим политическим структурам, появляются более активные и проблемно-специфические способы политических действий.

усиливаться в связи с цифровым генезисом общества в направлении «метамодернизма» с его расширяющейся «новой информационной реальностью», изменяющей сущность социальных взаимодействий, и целенаправленным конструированием технообразов, которые начинают функционировать независимо от своих авторов. Такое влияние информационно-технологического контекста отличается многосоставным характером и может проявляться в виде более или менее заметных изменений на различных уровнях пространства политического участия. Также к результатам воздействия особенностей постмодернистского общества следует отнести более высокую значимость краткосрочных, акционных практик по сравнению со значениями форматов требующих, длительной деятельности и сопряженных с политическим риском, проектно-сетевой характер гражданских инициатив, отличительными чертами которого становятся появление новых сообществ, неустойчивых сетей и слабая прогнозируемость действий [Публичная политика, 2018: 175–180], персонализация политики как отражение потребности в каких-либо «якорях» при существующем многообразии, неопределенности, гибридности.

Одновременно происходит обострение противоречий между неолиберальными элитами и интересами общества, ухудшается положение масс, что обуславливает становление еще одного политико-культурологического подхода, оппонирующего как постмодернизму, так и метамодернизму. Речь идет о неомодернизме, влияние которого также нашло отражение в современных трендах политического участия. Так, апелляция неомодернистов к историческим и культурным корням способствовала актуализации патриотических и этнополитических движений, а акцент на принципе транзакционализма как отказе от «универсальных ценностей» и «общих интересов» в пользу жесткой ориентации на национальные приоритеты и взаимодействие с другими субъектами с точки зрения обычной экономической выгоды, вызвал рост внимания к политикам популистского толка, бросающим вызов официальной политике и обещающим изменить статус-кво.

Методика исследования

В рамках данного этапа исследования, результатам которого и посвящена представленная статья, была выдвинута гипотеза о взаимозависимости особенностей развития популизма в той или иной стране (его проявлений, вектора и результативности) и конфигурации пространства политического участия граждан. Под пространством политического участия мы понимаем динамическую интеграцию различных по своему содержанию, масштабам, степени институционализации политических практик рядовых членов общества, реализуемых в рамках определенной национальной политической системы. На предыдущих этапах исследования с помощью процедуры факторного и кластерного анализа данных проекта «Европейское социальное исследование» (исследовательские волны за 2008, 2010, 2012, 2014 и

2016 гг.)¹⁵⁹ были выделены базовые арены политического участия, с присущими им относительной замкнутостью и способностью преломлять все внешние воздействия в соответствии своей спецификой, наличием собственного репертуара политических практик и требованиями к его ресурсообеспеченности [Болотина, Лаврикова, 2020]. Условно они были обозначены следующим образом:

а) электоральная (основная практика – голосование на выборах различного уровня),

б) декларационная (включающая в себя такие практики как подписание петиций/ обращений / открытых писем, отказ от потребления каких-либо товаров для обозначения своей политической позиции, публикация / ретрансляция политической информации в Интернете),

в) локальная (представленная двумя основными практиками – обращение к конкретным политикам/ в местные органы власти и работа в общественной организации – преимущественно направленными на решение локальных проблем и одной дополнительной – работа в составе политической партии / группы / движения),

г) партийная (объединяемые ею политические практики – работа в составе политической партии/ группы/ движения, использование политической символики, участие в разрешенных демонстрациях).

Сравнительный анализ конфигурации и динамики указанных арен в рамках целостного пространства политического участия различных европейских государств показал, что их функционирование является типичным для всех стран Европы (в том числе и России) за исключением государств, представляющих регион Северной Европы и примкнувшей к ним Германии. Так, если в большинстве случаев влияние факторов, формирующих декларационный и локальный кластеры, определяется как сильное, то в Германии, Финляндии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Исландии оно отсутствует. Ситуация с партийной ареной выглядит противоположным образом: в основном массиве она является латентной, и только в Германии, Финляндии, Нидерландах и Швеции реальной. Также политическое участие в государствах, входящих во вторую группу, отличается от остальных четко фиксируемой ориентацией на институционализированную политику. Выявленные различия во многом объясняются спецификой национального (в нашем случае, в большей мере регионального) политического и социокультурного контекстов и позволяют говорить о существовании двух трендов в развитии пространства политического участия в европейских странах, первый из которых связан с проявлением центробежных сил, а второй – центростремительных. Однако и в рамках выделенных тенденций,

¹⁵⁹ В работе используются данные Европейского социального исследования (ESS). 9 волна проведена в 2018–2019 гг. (www.ess-ru.ru). Данный мониторинг представляет интерес не только ввиду большого странового охвата, но и благодаря методологии: базовый модуль вопросов, методов построения выборки, сбора информации, организации и обработки данных остаются неизменными, что в совокупности облегчает задачу изучения тех или иных тенденции в политических процессах.

государства могут существенно отличаться друг от друга. Особенно это положение касается первой группы стран, где представлены так называемые «старые» и «новые» демократии: исходя из результатов кросс-национальных исследований, наибольшие сложности в типизации политических практик различной направленности (особенно неэлекторальных), испытывают, прежде всего, бывшие социалистические страны (Эстония, Россия, Польша и др.), а ограниченная конфигурация базовых арен политического участия говорит о несистематичности, неравномерности их использования, что указывает на проблемы институционализации.

Опираясь на представленные выше выводы, мы предположили, что характер и последствия активности популистски настроенных политиков будут различными в странах, демонстрирующих центростремительные и центробежные тенденции развития пространства политического участия, а в последнем случае, дифференциация пройдет также по линии «старые демократии» – «новые демократии». Для проверки выдвинутой гипотезы в качестве эмпирических объектов исследования были определены шесть стран, отбор которых помимо указанных позиций зависел также от степени развития электоральной арены политического участия (см. Таблица 1). Кейсы по другим странам (Германия, Франция) использовались в качестве дополнительных.

Таблица 1. Классификация стран, вошедших в эмпирическую базу

Страны с доминированием центростремительных сил в пространстве политического участия	Страны с доминированием центробежных сил в пространстве политического участия
Нидерланды Финляндия	«Старые демократии» Бельгия Австрия
	«Новые демократии» Эстония Польша

При этом основные характеристики популизма определялись в первую очередь путем анализа специфики функционирования более или менее структурированных движений и партий, которые по дискурсу и репертуару действий можно отнести к популистским. Отдавая себе отчет, что их деятельность не охватывает все возможные проявления популизма, имеющие место быть в различных национальных контекстах, и, в принципе в постмодернистском обществе происходит размывание массовых партий как таковых, мы исходили из того, что данные структуры являются четко фиксированными единицами, параметры которых (например, результаты участия в выборах, электоральная база, программные документы и т.д.) могут подлежать сравнению. Кроме того, для того чтобы иметь возможность продуктивно участвовать в конкурентной борьбе в рамках электорального процесса, те или иные социально-политические объединения популистского толка вынуждены переходить в «партийное русло» (даже если их идейные лидеры официально отрицают этот факт).

Решение поставленной задачи требовало дополнительного эмпирического материала для последующей аналитической работы. Упомянутое выше Европейское социальное исследование послужило источником необходимых социологических данных. Отметим, что на втором этапе исследования нами анализировались волны 2012, 2014, 2016 годов¹⁶⁰, где базовый политический блок опросника включает в себя значимые для нынешнего этапа исследования элементы. Респондентам задали вопросы о доверии значимым субъектам политического пространства (Парламенту, судебной правовой структурам, полиции, политикам, политическим партиям, Европейскому парламенту, ООН), а также вопросы об «удовлетворенности демократией в стране» и отношении к возрастающему притоку мигрантов на территорию государства. Выше отмечалось, что в качестве «контролируемых» государств для исследователя выступают «старые демократии» с центростремительным вектором в развитии пространства политического участия граждан (Нидерланды и Финляндия), и страны, где направленность политических практик граждан имеет центробежный характер: «старые демократии» Бельгии и Австрии, «новые демократии» Эстонии и Польши. Однако референтной группой выступают здесь не все опрошенные, а та их часть, которая на последних выборах проголосовала за популистскую партию своей страны. Резюмируя вышесказанное, подведем итог, что исследовательское внимание было сосредоточено на изучении соотношения значимой переменной «поддержка политических партий популистского толка» с переменными «доверие к политическим субъектам (институтам)», «удовлетворенность демократией», «отношение к притоку мигрантов» в странах Северной и Центральной Европы с развитой партийной ареной политического участия.

Не менее значимым в ракурсе данной работы выступает вопрос относительно изучения именно такой совокупности переменных. Для проверки исследовательской гипотезы относительно специфики политической деятельности лидеров популистских партий в условиях центробежных и центростремительных тенденций в пространстве политического участия граждан, важно эмпирически проверить, насколько популистские партии в сознании европейских граждан встроены в демократический институциональный дизайн и контекст современных миграционных процессов. Исследовательские вопросы в данном случае формулировались следующим образом:

- 1) «Совместима ли в сознании европейских граждан деятельность популистских партий с демократией как совокупностью политических принципов и ценностей?»;
- 2) «Насколько изменяется поддержка гражданами популистских партий в условиях увеличения притока мигрантов в европейские государства?».

¹⁶⁰ Выборочная совокупность опрошенных в октябре-декабре 2012 г. составляет 2 484 инт., в декабре 2014 г. – феврале 2015 г. – 2 445 инт., в октябре 2016 г. – январе 2017 г. – 2 430 инт. Вопросник состоит из базового модуля (он остается неизменным от одной волны к другой), и двух модулей, меняющихся для каждой волны.

И первый, и второй исследовательский вопросы предполагают постановку двух предположений, где основное сводится к тому, что переменные не связаны, а конкурирующее – к устойчивой зависимости переменных.

Для проверки данных гипотез удобен метод построения таблиц сопряженности в программе статистической обработки данных SPSS по критерию хи-квадрата. Однако данный критерий позволяет сделать вывод о наличии связи, но не о её силе. Последнее ограничение стало возможным устранить при дополнительном использовании коэффициента Крамера. Не менее важным было понять также направленность связи, если таковая есть. В этой связи программа SPSS предоставляет довольно удобный инструмент метода Z-статистики, а именно вычисление стандартизированного скорректированного остатка. В нашем случае респонденты, которые проголосовали за популистские партии, распределяются по шкалам «доверие к политическим субъектам», «удовлетворенность демократией», «отношение к притоку мигрантов» от позиций с отрицательным значением к позициям с положительным значением. Каждое деление шкалы является условной ячейкой таблицы распределения респондентов, где из каждой ячейки в основном или, в частности, складывается общий вывод о связанности или несвязанности переменных. Таким образом, наличие зависимости между переменными вычислялось нами с применением критерия хи-квадрат, её сила – через коэффициент Крамера, а направленность позволяет установить метод Z-статистики, что в совокупности дало следующие результаты.

Развитие популизма в отдельных странах Европы: возможности и ограничения

О влиянии популизма на политическую активность рядовых членов общества пишут достаточно много. При этом исследователи справедливо связывают механизм этого воздействия с тем, что популизм как система взглядов предполагает фундаментальное разделение общества на две гомогенные и противостоящие друг другу группы – «космополитические элиты» и «простой народ»; а популистски настроенные политические акторы, вне зависимости от своей позиции в идеологическом спектре (правые/ левые), позиционируют себя в качестве эксклюзивных защитников «простого народа» [Пандемия COVID-19: конец привычного мира?, 2020]. В свою очередь, проблематичность окружающей реальности дает возможность политизировать её, так как сущность политического как раз и состоит в принципиальной оспариваемости тех или иных социальных состояний, что позволяет актуализировать неполитические, на первый взгляд, вопросы и перевести их в политическое пространство. Тем самым создается благоприятная среда для реализации технологий мобилизации сторонников, которые «политикой не интересуются» или «интересуются время от времени», что и используют политики-популисты. Так согласно представленным в научных публикациях данным, «влияние популистских партий выросло с 1960-х по 2016 гг. вдвое по электоральным

показателям (5,1 % => 13,2 %) и втрое по представленности в парламентах (3,8 % => 12,8 %); в большинстве стран Европы есть хотя бы одна успешная популистская партия, в трети европейских стран популисты входят в тройку наиболее влиятельных партий», а «45 % опрошенных представителей европейской элиты назвали деятельность «популистских и антиевропейских партий» главной угрозой, стоящей перед Европейским союзом» [Глухова, 2017]. А по мнению Л. Г. Фишмана, «если описывать современность в категории «пост-» (постполитики, постмодерна, постдемократии, постидеологии и т.д.), популизм предстает едва ли не системообразующим феноменом политического поля» [Фишман, 2017: 58]. В пользу этого утверждения говорят и результаты сравнительного анализа поддержки популистских партий в рассматриваемых нами европейских странах, проведенного на основе материалов нескольких волн Европейского социального исследования: вне зависимости от особенностей политической системы, сложившихся в том или ином государстве, и актуальных проблем их внутренней и внешней политики, везде наблюдается рост числа голосующих за популистские партии. Конечно, в странах с более стабильными политическими системами темпы прироста отличаются относительно плавным характером (и в целом доля электората поддерживающего популистские партии невысока), в то время как в условиях незавершенной политической трансформации – они могут изменяться скачкообразно (а доля сторонников составлять более трети).

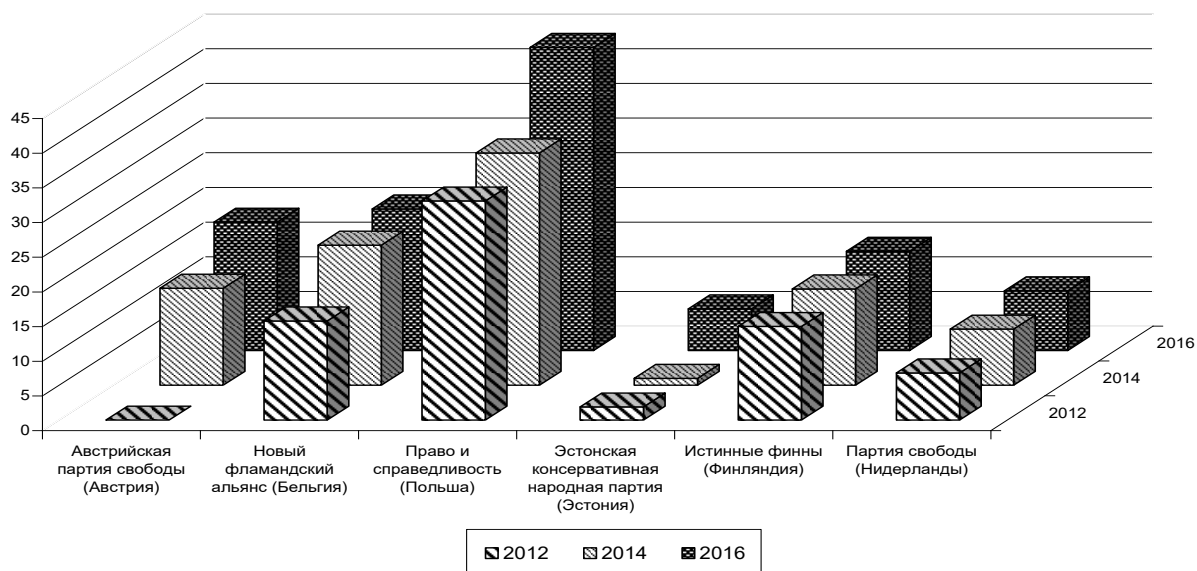

Рисунок 1. Динамика электоральной поддержки популистских партий

Толчком для развития новой волны популизма в Европе выступил ставший уже очевидным к середине 2000-х гг. кризис европейской социальной модели (государства всеобщего благосостояния), подорвавший уверенность и самооценку населения значительного числа европейских стран. Данная модель подразумевала, что де-факто

основным субъектом политики являлись элиты, а сама политика носила узкопрофессиональный и имитационный характер. В обмен на неучастие в политическом процессе властвующие группы обеспечивали функционирование социального государства, которое формировало секулярное и потребительское отношение общества к происходящему. В условиях системных проблем в европейской экономике потребительский настрой не исчез, хотя существующая система не могла уже удовлетворять растущие запросы [Салин, 2018]. В результате произошло массовое возвращение граждан в политику с целью получения набора жизненных благ в различных сферах, что обеспечивало бы высокое качество жизни. Именно с возможностями обеспечения этих благ и ассоциировались те или иные силы, чем и воспользовались популисты.

Несмотря на различия в степени радикализма, нюансах и местных особенностях всем им присущи сходные идеологические и программные акценты: негативное отношение к миграции, сопротивление глобализации, критика либерально-рыночной ориентации, отстаивание национальной идентичности и культурных традиций, предпочтение «прямой» демократии как наиболее эффективной формы общения с массами, наличие значительного блока социальных требований. Также в риторике популистов нашли отражение такие значимые с точки зрения содержания политического участия моменты как защита «простого человека» от доминантных структур (таких как властные элиты, чиновничий аппарат, крупный бизнес и т.д.), амбивалентное отношение к государству (апелляция к сильному государству, способному защитить маленького человека, при наличии призывов минимизации государственного присутствия в повседневной жизни граждан), критика отчуждения и отсутствия корней [Альтерматт, 2000]. При этом социальную базу «новых» популистских партий и движений нельзя считать маргинальной. Так, если рассматривать этот вопрос применительно к европейским странам, то среди сторонников «Желтых жилетов» во Франции, которых тоже помещают в контекст популизма, наблюдатели отмечают «разгневанный средний класс» [Хорос, 2020], примерно треть электората партии «Истинные финны» зарабатывает больше 50 тысяч евро в год, а в руководстве партии «Альтернатива для Германии» представлены многие немецкие экономисты, юристы, бизнесмены, и у всех отмечена положительная динамика прироста социальной базы, которая в ряде случаев отличается пестротой и подвижностью входящих в нее общностей.

Вместе с общими характеристиками наблюдаются межстрановые различия, обусловленные во многом национальным / региональным контекстом. Так, успех популизма в странах Северной Европы помимо прочего был связан с недовольством высокой налоговой нагрузкой, на которую опиралась модель «скандинавского социализма». Этим можно объяснить наличие в числе объектов критики лидеров популистских партий и движений системы трехсторонних консультаций с участием правительства, бизнеса и профсоюзов. В свою очередь высокий уровень толерантности к различного рода субкультурам, существующий в некоторых из государств данного региона, приводит к существованию в программных документах соответствующих

политических сил вполне либертанской этической составляющей. При этом анализ материалов мониторинга демонстрирует, что в отличие от других европейских стран, сторонники этих политических сил в Скандинавском регионе достаточно последовательны в своих политических позициях, которые вполне согласуются с дискурсивными приоритетами популизма. В частности, и голосующие за «Партию свободы» (PVV) в Нидерландах, и поддерживающие партию «Истинные финны» в Финляндии не удовлетворены состоянием демократии в стране (в то время как сама демократическая форма правления не подвергается сомнению), не доверяют основным политическим институтам (как национальным, так и международным), демонстрируют евроскептицизм, негативно относятся к иммигрантам. При этом выявленная зависимость признаков (голосования за партию и проявления определенной политической позиции) является сильной и наблюдается на протяжении достаточно долгого периода времени (фиксируется по материалам нескольких волн мониторинга), что позволяет сделать вывод о существенной устойчивости и относительной интеграции рассматриваемых сегментов сторонников данных политических сил. Показательно, что обеим партиям при наличии опыта работы в рамках правящих структур различного уровня удалось избежать мозаичности электоральной базы, вместе с тем их доля в общем объеме избирателей относительно невелика (что позволит в рамках центристской тенденции развития политического участия политической системе противостоять «популистским возмущениям») и существенного прироста электората данных партий в перспективе ожидать не следует.

Несколько иную картину мы наблюдаем во второй группе стран, демонстрирующих центробежный тренд в развитии пространства политического участия, причем ситуация может по ряду критериев заметно отличаться в странах «старой» и «новой» демократии.

В качестве показательных в этом плане были выбраны среди «старых демократий» – Бельгия («Новый фламандский альянс», «Фламандский интерес») и Австрия («Австрийская партия свободы»), и среди «новых демократий» – Польша («Право и справедливость») и Эстония («Эстонская консервативная народная партия»). В Бельгии будут рассмотрены две популистские структуры, одна из них имеет опыт участия в правящей коалиции («Новый фламандский альянс»), а другая функционирует в рамках «санитарного кордона» (*cordon sanitaire*) – ограничительной меры, нацеленной на недопущение её участия в правительстве («Фламандский интерес»), что позволит продемонстрировать взаимосвязь факта «вхождения партии во власть» и характера её электоральной поддержки.

Как и в предыдущем кейсе со странами Скандинавского региона, зависимость между такими признаками как приверженность популистским силам и демократические/ антидемократические позиции граждан не зафиксирована. Следовательно, взгляд на популизм как следствие разочарования демократией нуждается в уточнении: не столько демократией как политическим режимом в целом, сколько актуальным состоянием демократии и демократических (или традиционно воспринимаемых как демократические) институтов в тех или иных странах. По сути,

рост электоральной поддержки популистских движений и партий следует рассматривать как ответ общества на существующий демократический дефицит и «закрытость элитных групп» на фоне кризиса как либерализма, так и социал-демократии. Это положение подтверждается также высоким уровнем недоверия к институтам социально-политического представительства (парламент, партии и т.д.) и защиты прав и свобод (судебно-правовая система) среди голосующих за популистские партии. Вместе с тем, данная связь в странах второй группы не всегда явно выражена: достаточно типичной является ситуация амбивалентности, а подчас и размытости взглядов сторонников популистских сил (последнее утверждение в большей степени характерно для электората популистских сил в посткоммунистических государствах). Наиболее последовательно базовые компоненты, содержащиеся в нарративе популизма, находят отражение в позициях граждан, отдающих свои голоса за «Австрийскую партию свободы» (Австрия) и «Фламандский интерес» (Бельгия). Единство электоральной базы каждой из этих партий обеспечивается поддержкой следующих пунктов: крайне негативное отношение к миграции, ярко выраженный скептицизм относительно функциональности демократии в стране, недоверие политическим институтам (в том числе и партиям) и отдельным политикам. Обращает на себя внимание тот факт, что зафиксированные показатели выявленной зависимости признаков для данных политических структур более значимы по сравнению с уже рассмотренными нами результатами по популистским партиям стран Северной Европы (Финляндии и Нидерландов), что свидетельствует о радикализме их сторонников. Возможно, этим объясняется достаточно сложный политический путь «во власть» популистов в Австрии: несмотря на регулярное участие в различных выборах и крайнее разочарование австрийцев в проводимой системными партиями политике («усталость от долгого правления Большой коалиции»), существенного результата на национальном уровне «Австрийская партия свободы» добилась лишь в конце 2017 г., что явилось своеобразным откликом на успех «Альтернативы для Германии» в соседней стране. Сплоченности электората партии способствует ориентация её руководства на политические установки, широко распространенные в австрийском обществе: традиционное враждебное отношение к иностранцам, потребность в преодолении коллективной вины за нацистское прошлое, новая национальная гордость и др. Определенные опасения вызывает существенная доля сторонников данной партии среди граждан, вовлеченных в электоральный процесс, – около 20 %, что фоне центробежного тренда может создавать значимую угрозу для стабильности существующей политической системы. В свою очередь партия «Фламандский интерес» в целом не получает значительной поддержки в бельгийском обществе, набирая на выборах 2–3 %. В Бельгии гораздо более популярной является менее радикальная по своим характеристикам партия «Новый фламандский альянс», входящая в правящую коалицию. Однако уровень сплоченности её сторонников не высок, что, скорее всего, является последствием использования мобилизационной технологии «хватай всех». В результате электоральная база партии отличается

пестротой взглядов (более или менее значимым интеграционным потенциалом в данном случае обладает только позиция в отношении неприятия мигрантов).

Еще большая неопределенность во взглядах характерна для сторонников популистских сил в «новых демократиях» (в нашем случае речь идет о партии «Право и справедливость» (Польша) и «Эстонская консервативная народная партия» (Эстония)). В целом развитие популизма в этих странах объясняется как следствие «несбывшихся ожиданий, связанных с демократией» [Лыкошина, 2007], это своего рода «поствступительный кризис» (post-accession crisis), обусловленный завышенными ожиданиями от вступления в Европейский союз, что открывает дополнительные возможности для роста правого и левого популизма. В этом видятся причины доминирования в популистском дискурсе большего евроскептицизма, радикализма и антидемократизма, а также более широкий список объектов стигматизации, которые носят и национальный, культурный и социальный характер. В ряде случаев религиозная и антисемитская или антироссийская составляющие начинают играть роль дискурсивных приоритетов популистских структур. В тоже время проведенный нами анализ показывает, что избиратели, голосующие за «Право и справедливость» и «Эстонскую консервативную народную партию», не придерживаются жесткой позиции ни по одному из вопросов, обсуждаемых партийным руководством. Зависимость между признаками (голосование за партию и отношение к мигрантам/ демократии/ действующим политическим институтам) в большинстве случаев хотя и была выявлена, но носила неявный характер. И если в 2012 году в качестве некоего объединяющего начала для сторонников данных популистских структур можно было рассматривать недоверие к национальному парламенту и Европарламенту, то к 2016 г. более значимой стала неудовлетворенность демократией в стране (причем для электората «Эстонской консервативной народной партии» эта зависимость осталась прямой, а для голосующих за «Право и справедливость», т.е. последняя перестала восприниматься гражданами как демократическая сила, что следует отнести «к издержкам вхождения во власть»).

Наряду с рассматриваемыми политическими силами, в странах с доминированием центробежных тенденций, где существует значимый запрос на обновление элит за счет включения представителей широких социальных групп в их состав как реакция на высокий уровень технократизма правящего класса и ориентация на неформальные/ неинституционализированные политические практики, существуют и другие популистские объединения менее структурированного характера (например, движение «Желтых жилетов»). Кроме того, наблюдается процесс использования популизма как перспективной политической стратегии не только оппозиционными силами, но и представителями правящей группы, хотя они не относят себя к популистским силам (т.е. речь идет о «популизме власти», что можно оценивать как попытки властных структур избежать делегитимизации). Причем в странах, где существуют большие проблемы с институционализацией неэлекторальных арен политического участия (речь идет, прежде всего, о «новых демократиях»), тем данная тенденция проявляется очевиднее.

При этом представляется, что волна популизма в условиях доминирования центробежных сил в пространстве политического участия, наряду со стремлением обновить и «пробудить» конвенциональную политику, в том числе и путем введения в общественный дискурс тем волнующих общество, но табуированных официальной политикой [Казаринова, 2019: 212], создает реальную угрозу для воспроизводства существующей политической системы. С одной стороны, популистские партии и движения, если они не акцентируют внимание на существенной идеологической нагруженности, в таких условиях способны (хотя и на время) объединить всех тех, кто проявляет нелояльность к существующему политическому порядку, включив их в антисистемные действия, с другой – использование популистской риторики системными политиками выступает своего рода прикрытием технократизма и отказа от реформирования существующих политических институтов в сторону открытости, что не решает проблему демократического дефицита. Вероятность наступления негативных последствий особенно высока для «новых» демократий.

Перспективы популизма в условиях пандемии COVID-19

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что деятельность популистских партий и движений в Европе может носить как системный, так и антисистемный характер. Вместе с тем в странах, где конфигурация пространства политического участия свидетельствует о доминировании центростремительных сил, популисты чаще ориентируются на институционализированные формы политики (несмотря на заявления о непринятии партии как таковых), а уровень идентификации их избирателей с соответствующими партийными структурами достаточно высок. В свою очередь при наличии центростремительного тренда развития политического участия популистские течения более склонны сохранять черты «партийноподобных организаций», опирающихся на более размытые установки электората, что предопределяет существенные риски для функционирования политических систем в данной группе европейских стран. В условиях нового кризиса подобного рода угрозы только возрастают. Так, если следовать логике Л. Гудвина, предложившего еще в 1970-е гг. теорию так называемого «популистского фактора», суть которой заключалась в том, что популизм как течение пробуждается при наличии особых исторических условий, в частности, событий, когда темпы модернизации общества происходят слишком стремительно и люди не успевают следовать за ними, то пандемия и последовавшие за ней кризисные явления в экономике, политике и социальной сфере могут повлечь за собой подъем популистских сил.

Однако более детальный анализ сложившейся ситуации позволяет оценивать её скорее как противоречивую с точки зрения развития популизма в контексте конфигурации пространства политического участия граждан в той или иной стране. С одной стороны, сложившаяся ситуация, обеспечивают благоприятную почву для усиления влияния популистов. В связи с разрушением «комфортного мира» большинства граждан, из-за страха за свою жизни и жизнь близких и ограничительных мер, введенных в большинстве государств, а также политикой «Каждый сам за себя!»,

имевшей место в начале пандемии, что поставило под сомнение правильность космополитических воззрений и дало возможность убедиться в сохранении значимости концепта «национальное государство» (появились претензии от руководства стран членов ЕС, что в экстремальной ситуации ЕС действует не так быстро как национальное государство, а также не предоставляет достаточно средств нуждающимся на борьбу с пандемией), у популистов появились основания доказать перспективность своих позиций. Так, по мнению М. Пьерини, правопопулистским силам все же удастся использовать COVID-19 в своих интересах: они смогут «продвинуть националистические нарративы, приуменьшить роль ЕС, а в некоторых случаях – критиковать принимаемые правительством меры, оперируя фейковой информацией» [Pierini, 2020]. Кроме того, тренд на растущее неравенство, обострившийся и в период пандемии, также подпитывает популизм. С другой стороны, в связи с тем, что популисты неспособны предложить новые, основанные на экспертизе, решения новых глобальных проблем, и демонстрируют приверженность своим традиционным концептам, то и воспользоваться этой ситуацией им будет сложно [Oskolkov P. V., 2020; Krastev I., 2020]. А учитывая, что евроскептицизм и миграционный кризис не во всех странах Европы являются актуальными тематиками, объединяющими электоральную базу популистских сил, в целом перспективы их влияния на политический процесс будут неоднозначны. Ситуация с пандемией коронавируса, конечно, обострила существовавшие ранее противоречия и проблемы как в экономике, так и политике и актуализировала поиск их решения в направлении противоположному неолиберальному курсу и связанному с регулированием различных процессов, одновременно создав условия для успешного оппонирования популизму, поскольку приоритеты европейских избирателей при высоком уровне неопределенности могут сместиться с требований открытости процесса принятия политических решений к их эффективности, что снижает уровень поддержки антисистемных сил.

Библиографический список

Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 366 с.

Болотина И. И., Лаврикова А. А. Современные формы участия граждан в политической жизни европейских государств // Россия и современный мир. 2019. № 4. С. 42–56.

Глухова А. В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. 2017. № 4. С. 49–68.

Ирхин Ю. В. Междисциплинарный подход к анализу постмодернизма и неомодернизма в цифровом обществе / Философия в информационном обществе. Тезисы докладов седьмой Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Ч. 1. 2019. С. 55– 57.

Казаринова Д. Б. Европейская идея между популизмом, либерализмом и социал-демократией / Мировой порядок – время перемен: сборник статей / под ре. А. И. Соловьева, О. В. Гоман-Голутвиной. М.: Изд-во «Аспект-пресс», 2019. 375 с.

Лыкошина Л. С. Нереальное решение реальных проблем (к вопросу о популизме и национализме в Польше) // Национализм и популизм в Восточной Европе. М.: ИНИОН РАН, 2007. 174 с.

Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А. В. Абрамов, В. Э. Багдасарян, С. О. Бышок, С. В. Володенков, Д. Г. Евстафьев, В. Г. Егоров, Н. А. Комлева, Н. С. Крамаренко, А. В. Манойло, О. М. Михайленок, А. И. Петренко, В. Ф. Прокофьев // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. 68 с [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета: [веб-сайт]. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.05.2020).

Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: коллективная монография / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект-пресс, 2018. 349 с.

Салин П. Б. Популизм в Европе как пример нового поколения политтехнологических практик // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2. С.86–99.

Фишман Л. Г. Популизм – это надолго / Л. Г. Фишман // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С.55–70.

Хорос В. Популизм 2.0 // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс] // россия в глобальной политике: [веб-сайт]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/populizm-2-0/> (дата обращения: 10.05.2020).

Krastev I. Seven early lessons from the coronavirus. In: European Council on Foreign Relations [Электронный ресурс] // European Council on Foreign Relations: [веб-сайт]. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_seven_early_lessons_from_the_coronavirus (дата обращения: 15.05.2020).

Oskolkov P. V. Populizm i korona: kak pandemiya vliyaet na pravopopulistskie partii Evropy?: analiticheskaya zapiska № 15 [Populism and the crown: how the pandemic affects right populist parties in Europe?: Analytic note № 15], 2020 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an198.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

Pierini M. The EU Needs a More Comprehensive Vision to Tackle Pandemics. In: Carnegie Europe [Электронный ресурс] // Carnegie Europe: [веб-сайт]. URL: <https://carnegieeurope.eu/2020/03/24/eu-needs-more-comprehensive-vision-to-tackle-pandemics-pub-81355> (дата обращения: 14.04.2020).